

Илья КРИЧЕВСКИЙ

«ОДЕССКИЕ ПАРИЖАНЕ» И ПАРИЖСКИЙ ОДЕССИТ

РАБОТЫ ФАЗИНИ В ИЗРАИЛЬСКИХ МУЗЕЯХ

У старшего брата моего деда было много имен: Шауль, Израэль, Александр, Сандро. Как это звонко и весело звучит — Сандро! Особенно звонко и весело, если знать, что был он художником и жил в Париже.

Кроме этого, в детстве я знал о нем не так уж много. На старой семейной фотографии Сандро возвышался над родителями и братьями, внешность у него была самая что ни на есть романтическая, немного мрачная. И в воображении возник богемный артист, человек сильный и бесстрашный, всегда находящийся в центре внимания. Его жизнь во Франции просто обязана была стать головокружительным приключением...

С годами я узнал о нем больше. Узнал, что был он скромным, немногословным, в зрелые годы больше походил на клерка, нежели на художника. Узнал, сколько трудностей пришлось ему преодолеть. Узнал, где и как закончилась его жизнь. Веселый образ парижского романтика постепенно померк, и сегодня я грущу сразу о двух людях — о настоящем Сандро и о том, которого создала моя детская фантазия.

* * *

Шауль Файнзилбергер, родившийся в 1892 году в Киеве и выросший в Одессе, рисовать начал рано и в 19-летнем возрасте уже публиковал свои работы в журналах. Но где эти работы? Сергей Зенонович Луцкич, замечательный одесский коллекционер, показывая мне свое собрание, продемонстрировал только один оригинал с подписью Сандро. Все остальное — журнальная графика. То тут, то там мне приходилось слышать о рисунках и живописи раннего Фазини, но увидеть никак не получалось. И еще года три назад я не подозревал, сколько работ "парижского дядюшки" хранится в израильских частных коллекциях. А увидел я эти работы только в апреле нынешнего года, в рамат-ганском музее.

Здесь я просто обязан сделать отступление. Человеку, знакомящемуся с жизнью Израиля по газетам или интернету, может показаться, будто в Рамат-Гане множество музеев, — городской, русского искусства, прикладного искусства, детского творчества... Вынужден разочаровать: все это — один музей, где соседствуют очень не похожие друг на друга тематические экспозиции. А те частные коллекции, о которых я только что говорил, когда-то были одним собранием, принадлежавшим Якову Перемену — одесскому ученому, меценату и политику. В 1919 году Перемен вместе с семьей, друзьями и несколькими десятками картин прибыл в Эрец-Исраэль на пароходе "Руслан". Рейс был в полном смысле историческим — ведь на борту "Руслана" находились будущий профессор Еврейского университета Иосиф Клаузер, будущий главный редактор газеты "Ха-Арец" Моше Гликсон, будущий главный архитектор Тель-Авива Иуда Магидович, поэтесса Рахель, танцовщик Барух Агадати, чета художников Константиновских... А картины принадлежали кисти (перу, карандашу) одесских художников из круга "независимых" — Нюренберга, Гершенфельда, Фраермана, Фазини, Олесевиича, Мексина, Малика.

После смерти Перемена (он скон-

чался в Тель-Авиве в 1960 году, 79-ти лет отроду) его коллекция была разделена между наследниками. Картины если и выставлялись, то крайне редко. Так что выставка в Рамат-Гане — настоящее событие, и не только для меня.

Итак, я увидел оригиналы раннего Фазини. Не один, не два, а сразу две дюжины. Это были рисунки, небольшие живописные работы в самых разных стилях — от кубофутуризма до "Бубнового валета". Что ж, Сандро долго искал свой стиль, а пока искал, не считал зазорным подражать и Бердслею, и Тулуз-Лотреку. Маленький, с почтовой открыткой "Лотрек" в толстой раме висит между таких же маленьких работ Сигизмунда Олесевиича и Израиля Мексина, аргументируя название выставки — "Одесские парижане". А чуть подальше — смелые, без тени подражательства фантазии на античную тему. И тут же большой портрет Сандро, каким его увидел Олесевиич.

Вышло так, что для графики и небольших картин отвели малый зал музея, а "полноразмерную" живопись определили в большой. И экс-

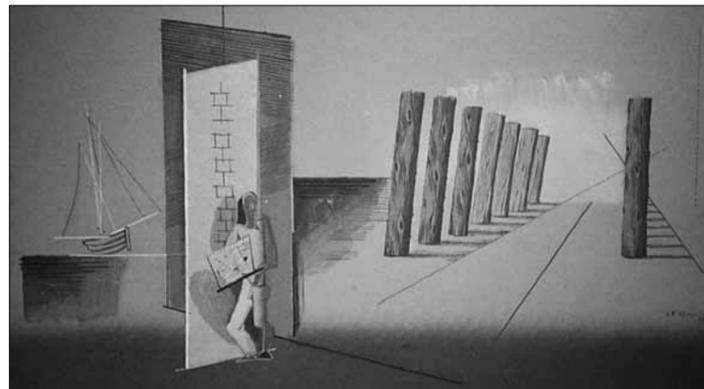

позиция малого зала оказалась интереснее. Не потому что там Фазини, а по иной причине — в малых формах чувствуется гораздо больше мастерства и самостоятельности, чем на больших полотнах (да простят меня художники, в юности черпавшие вдохновение в творчестве Гогена и Сезанна!).

"Очень много вторичного", — сказал мне старый приятель, оглядев выставку. Я согласился, но заметил, что не во вторичности дело. В музее воссоздан целый мир, давно исчезнувший и безумно интересный. Мир, который не выглядит вторичным рядом с Парижем, Мюнхеном или Веной начала века, а стоит в одном ряду с ними.

Здесь же, в Рамат-Гане, экспонируются парижские фотоснимки Фазини. Он первым из четверых братьев увлекся фотографией, в 1917 году был направлен временным правительством в Гатчину для съемки интерьеров дворца императрицы Марии Федоровны. После этих съемок у нас дома сохранилось несколько сувениров: пара маленьких технически безупречных фотографий, конверты и почтовая бумага с тисненными раззолоченными вензелями великих княжон и... А были еще толстые папиросы, изготовленные специально для Александра III, да листок промокательной бумаги, на котором отпечаталось одно слово — "Николай". Этот листок мой дед подарил Булгакову,

и тот благоговейно подносил промокашку к зеркалу, чтобы увидеть царский автограф. "На подлинном собственной рукой его императорского величества..."

О Фазини-фотографе, о его снимках, сделанных в Париже, много говорить не буду. Скажу лишь, что три брата — Сандро, Илья и Вениамин — видели мир одинаково. И фотографии, выставленные в Рамат-Гане,

выставке "Депортированный Монпарнас" в иерусалимском мемориальном комплексе Яд ва-Шем. Сама выставка впервые была показана почти год назад в Париже. В Израиле она особого интереса не вызвала, и лишь за несколько недель до закрытия экспозиции о ней начали рассказывать в средствах массовой информации. Жаль, но ничего не поделаешь. У прессы свои приоритеты.

Если во Франции названию выставки сопутствовал нейтральный подзаголовок "Художники из Европы", то в Израиле придумали нечто более острое: "Конец парижской школы". И действительно — когда художников, проживших в Париже десятки лет, ставших частью этого города, вдруг сгоняют на Зимний велодром, чтобы увезти навсегда,

разве это не конец, не катастрофа? Причем катастрофа не только для художников, не только для их народа, но и для Парижа.

В просторном зале, наполовину упрятанном в склон горы Герцля, были работы десятков художников — выходцев из России и Австрии, Польши и Венгрии, Украины и Румынии. На большом щите у входа фамилия Фазини значилась под рубрикой "Украина". И я, не задерживаясь у постимпрессионистских и экспрессионистских холстов (некоторые были по-настоящему прекрасны!), пошел искать Сандро.

Я нашел его сразу. Пять картин оказались не очень-то похожи на те лаконичные рисунки середины 1930-х, которые хранятся у моей матери, но ошибиться было невозможно. Вот он, Фазини парижского периода, выставившийся у Вавена, в Салоне независимых и на Всемирной выставке 1937 года!

Всего пять работ. Одна из них меня просто потрясла. Это графиче-

* * *

Рамат-Ган — не единственный город, где нынешней весной можно было увидеть работы Сандро. Пять его картин демонстрировались на

сая композиция на коричнево-желтом полотне. В самом центре — некий инженер или архитектор, а справа тянутся ряды столбов, толстых неотшкуранных бревен, врытых в землю, вдоль пересекающихся на горизонте линий. И тени от столбов заканчиваются ровно на линии, так

что издали все это можно принять за рельсы и шпалы. Железная дорога. Ограда. Написано в 1929 году.

Не знаю, о чем думал художник, но получилось произведение воистину пророческое. Ведь после ареста в 1942-м его отправили в концлагерь Дранси, а потом в Освенцим. По железной дороге. За ограду.

К слову, официальное известие о его гибели моя семья получила только 12 лет назад, из архива Великого герцогства Люксембург. Именно там было сказано: "Казнен в концлагере Аушвиц в 1944 году". Конечно, родные знали, что с ним произошло. Знали задолго до моего рождения, ибо поиски, проведенные сразу после войны, никаких результатов не дали. Но мы не знали, где и когда его убили. Теперь знаем. Предчувствовал ли он свою судьбу — сказать трудно. Известно, что знакомые предлагали ему бежать из оккупированного нацистами Парижа в Виши, а оттуда в Испанию, но он не двигался с места. По словам очевидцев, в последние месяцы перед арестом Фазини пребывал в состоянии глубокой депрессии. А арестовали его вместе с женой Азой 20 июля 1942 года.

Вышло так, что пять работ моего парижского дядюшки (вообще-то двоюродного деда, но мне привычнее считать его дядей) привлекли больше внимания, чем картины многих известных монпарнасцев. На выставке нет больше ни одной работы в подобном жанре. Сегодняшние искусствоведы объявили Фазини сюрреалистом и метафизиком. И вполне возможно, что его забытые картины обретут новую жизнь, а их автор — мировое признание.

Я должен быть благодарен судьбе. После Сандро, которого я никогда не видел, остались картины и рисунки, фотографии и письма. Даже гатчинские сувениры. Его памяти повезло.

А в главной экспозиции Яд ва-Шема, на одном из изломов зигзагообразного бетонного коридора, я увидел другое. Такое, что без стеснения расплакался. То были мелочи, буквально мусор, выложенный в маленькой витрине. Какие-то бумажки, разломанные коробочки от лекарств и конфет, монетки и билетки, паспортные фотографии. "Мусор" выгребли из карманов расстрелянных, собрали в коробку и похоронили в братской могиле. И это все, что осталось от нескольких сот человек. А рядом — стихотворение Натана Альтермана, которое в Израиле часто цитируют, особенно в День памяти Катастрофы и героизма, но всегда читают одну и ту же строчку — вторую. Целиком оно куда страшней:

Когда нас казнили,
Мы не слышали гнева мирского,
Ибо нас Ты избрал
из всех народов,
Ибо нас Ты любил.
И когда казнили наших детей,
Наших умных еврейских детей,
Они ничего не говорили.
Только закрывали глаза матерям,
Чтобы те не смотрели.
Ибо знали: их кровь
В этом кровопролитии
Не считается.

Это написано в 1942 году. В том же году, когда арестовали Сандро. Это и о нем тоже.

Израиль.